СМѢСЬ.

ПОѢЗДКА ВЪ ПСКОВЪ И НИКАНДРОВУ-ПУСТЫНЬ,

ВЪ 1849 ГОДУ.

Отъѣздъ изъ Дерпта. Рѣка Великая. Спѣтная гора. Пріѣздъ въ Псковъ. Кончина архіепископа Навапаила. Рѣчь Софронія; обрядъ погребенія архипастыря. Воспоминаніе о Симонѣ Тодорскомъ. Село Любовецъ. Игуменъ Платонъ и профессоръ Карусъ. Важность Дерпта въ медицинскомъ отношеніи. Никандрова-пустынь. Архимандритъ Веніаминъ. Преподобный Никандръ; его жизнь, судьба его обители. Возвращеніе въ Дерптъ и славянскія бесѣды.

Мы выѣхали изъ деревни Юрьева Лифляндскаго, нынѣшняго Дерпта 30 іюля въ 6 часовъ утра. День полуясный обѣщалъ однакоже хорошую погоду. На пароходѣ было довольно пассажировъ, пріѣзжихъ гостей изъ Пскова къ намъ въ Дерптъ—русскихъ дворянскихъ семействъ—для совѣта съ врачами или изъ удовольствія. И въ-самомъ-дѣлѣ пріятно въ 12 часовъ проѣхать нѣсколько десятковъ верстъ, любуясь разнообразіемъ окрестныхъ видовъ. На правомъ и лѣвомъ берегу Эмбаха, мызы лифляндскихъ помѣщиковъ; между ними, въ 17 верстахъ отъ Дерпта, мыза Ѳ. В. Булгарина на самомъ берегу: домъ выходитъ къ рѣкѣ въ садъ, и съ балкона можно видѣть проходящія суда. Наконецъ, вотъ расширяются границы воды круто вправо и влѣво, и вдругъ предстаетъ глазамъ обширный гори-

зонтъ озера, окаймленнаго съ правой стороны зеленѣющимися берегами. Мы держали путь вправо, ближе къ берегу, по направленію къ Пскову, перерѣзывая только конецъ Чудскаго-озера къ протоку или съуженію его, соединяющему съ нимъ озеро Псковское. И вотъ стали замѣтны берега справа и слѣва; мы уже проѣхали верстъ 60 отъ Дерпта. Слѣва Гдовскій уѣздъ, справа Псковской; вдали зеленѣется островъ Желагка—виталище рыбаковъ, а рыбаки здѣсь всѣ прибрежные жители озера. Ѣдемъ далѣе: налѣво, островъ Таланскъ (Долобскъ), за нимъ на берегу Спасо-Елизарьевъ Великопустынскій монастырь. Верстахъ въ 15 отъ острова, устье рѣки Великой; высокой правый берегъ осѣняетъ ее, тогда какъ лѣвый разстилается низменно у самой воды; мѣстами, уже оба они возвышаются слоями плитняка и песку, покрытаго роскошною зеленью травы и рощъ. Какъ живописно на самомъ берегу стоитъ церковь древней русской архитектуры, а за нею господскій домъ и усадьба. Это—имѣніе помѣщика Назимова. Еще нѣсколько верстъ все тѣже высокіе берега, и на правомъ изъ нихъ красуется имѣніе г. Пальчикова; къ этому помѣстью рѣка Великая притекаетъ заливомъ. Величественно разливаясь тутъ почти на полверсты въ ширину, она дѣлаетъ понятнымъ свое названіе: дѣйствительно, *великая* рѣка по своему полноводному, широкому, во многихъ мѣстахъ, теченію и по высокимъ берегамъ своимъ. Солнце заходило, играя въ спокойной водѣ пурпурными лучами, когда мы завидѣли на лѣвомъ берегу небольшой лѣсъ и, среди его, высокую колокольню: это Снѣтная-гора * и на ней монастырь, основанный еще въ XIII вѣкѣ, а можетъ-быть и раньше. Нынѣ мѣстопребываніе архіепископа.

Но тебя уже тамъ не было, кроткій архипастырь! Ты почивалъ непробуднымъ сномъ въ соборномъ храмѣ, гдѣ такъ часто, въ продолженіе 15 лѣтъ, изливались твои молитвы и благословенія на паству твою!

Я слышалъ уже, что архіепископъ Наѳанаилъ былъ болѣнъ и оправился; но зная преклонность его лѣтъ и частыя болѣзни въ послѣдніе два года, я съ какимъ-то скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на окно архіерейскаго дома; таинный голосъ говорилъ мнѣ, что его уже нѣтъ тамъ, въ этомъ величественномъ святомъ уединеніи, которое столько было имъ любимо. За Снѣтною-горою явственно показался Псковъ: налѣво, величавый Троицкій-соборъ обрисовывался на горѣ, господствующей надъ

* Такъ названная отъ ловящихся въ рѣкѣ снѣтковъ, у подошвы ея.

всѣмъ городомъ, съ остатками древнихъ стѣнъ Кремля или дѣтинца, обходившихъ оную. Миновавъ сперва Іоанно-Предтеченскій женскій монастырь, мы подъѣхали къ городскому мосту, возлѣ котораго и остановились. Направо, лежало предъ нами Завеличье, епредмѣстье города, а налѣво самый городъ, окруженный древнею стѣною, видѣнъ былъ изъ-за нее, начинаясь отъ соборной горы.

Извощикъ, который повезъ меня въ гостиницу съ парохода, сказалъ мнѣ о смерти преосвященнаго. Онъ передалъ мнѣ вѣсть эту съ такимъ выраженіемъ голоса, какъ-будто удивлялся, что умеръ святитель, близкій алтарю Господа и молитвенно столь часто соединявшійся съ Источникомъ воскресенія и безмертія. Такое чувство народа оправдывала безупречная жизнь Наѳанаила. Кротость, незлобіе, смиреніе, нестяжательность, воздержаніе жили въ его душѣ и дѣлахъ. По смерти его, какъ я послѣ слышалъ, осталось только нѣсколько рублей сер., а изъ вещей только одна библіотека имѣетъ цѣнность. Издержки погребенія, при такой евангельской бѣдности архіепископа, приняли на свой счетъ настоятели монастырей.

Всенощная уже кончилась; я поклонился гробу усопшаго, стоявшему посреди собора на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ облачаются архіереи. Въ полномъ облаченіи, лицо закрыто воздухомъ, лежалъ святитель Наѳанаилъ во гробѣ; а духомъ, конечно уже соединялся съ Тѣмъ, къ Кому въ семъ же храмѣ вознесъ духъ молитвенно за себя и за паству свою.

Погребеніе преосвященнаго совершено на другой день, въ воскресенье, послѣ литургіи. Трогателенъ былъ печальный тонъ пѣнія на самой литургіи! По окончаніи ея, іеромонахъ Софроній, профессоръ псковской семинаріи, говорилъ рѣчь. Изложивъ кратко все пройденное усопшимъ служеніе Церкви и Отечеству, какъ наставника и образователя юношества, какъ архипастыря и какъ христіанина, онъ увѣщевалъ не скорбѣть (по слову апостольскому), объ умершемъ, ибо жизнь его представляетъ исполненіе добродѣтелей христіанскихъ сообразно его обязанностямъ, и служитъ ручательствомъ, что онъ упокоится въ селеніяхъ праведныхъ. Преимущественно восхвалены были по достоянію незлатолюбіе покойнаго архіепископа и милосердіе его къ бѣднымъ: каждый день въ домѣ его раздавалась милостыня нищимъ. Часто онъ отдавалъ неимущимъ даже изъ платья своего что-нибудь, никогда не отказывая и въ не большихъ сум-

махъ денегъ, если только имѣлъ самъ, ибо доходы его были невелики.

Погребеніе совершали четыре архимандрита, протоіереи и нѣсколько священниковъ. Торжественный обрядъ, одинаковый съ священническимъ, начался пѣніемъ 118 псалма и общихъ погребальныхъ стиховъ—«Благословенъ еси Господи» и «Святыхъ ликъ обрѣте источникъ жизни». Послѣ пѣнія стиховъ умоляющихъ Господа, да упокоитъ, да устроитъ насъ благопотребными сосудами, и призывающихъ Св. Духа, читалися Апостолъ и Евангеліе, какіе обыкновенно читаются на погребеніи мірянъ, и потомъ молитва объ упокоеніи души усопшаго «да о нихъ же трудился въ мірѣ семъ, имени ради Твоего, приметъ богатное воздаяніе въ обителяхъ святыхъ Твоихъ,» и стихи, воспоминающіе непостоянство и скоротечность жизни нашей. И снова Апостолъ и Евангеліе, содержаніемъ своимъ утѣшающіе въ успеніи святителя, показывая, что смерть, вшедъ въ міръ первымъ человѣкомъ, побѣждена послѣднимъ Адамомъ І. Христомъ, чрезъ Его крестную смерть; и что слушаяй словесъ Іисуса Христа и вѣруяй въ пославшаго Его, имать животъ вѣчный и на судъ не придетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ. Затѣмъ послѣдовали еще три Апостола и три Евангелія, а между ними молитвы и стихи, исполняющіе душу сладкимъ умиленіемъ печали, безутѣшной для человѣческой природы, постепенно исчезающей въ горячей вѣрѣ и упованіи будущей жизни, такъ-что и печаль, кажется, только усиливаетъ чувство неземной радости, побѣждающее и послѣднюю препону—смерть.

По исполненіи Апостоловъ и Евангелій, молитвъ и стиховъ, читанныхъ и пѣтыхъ между ними, начали пѣть канонъ съ ирмосами великой-субботы «Волною морскою»; наконецъ еще были пѣты многіе стихи, исполненные скорби и утѣшеній,—скорби, да презримъ суету житія земнаго, ясно видя, какъ непрочно все временное, какъ исчезаетъ, подобно сну, все, что въ жизни кажется славнымъ и великимъ,—утѣшеній, да взирая на воскресшаго Господа Его крестной смерти, не убоимся печалей креста, возложеннаго на насъ заповѣдію Христа Бога нашего, не убоимся и смерти, ожидая воскресенія мертвыхъ и жизни будущаго вѣка. Тогда приступилъ ко гробу усопшаго архимандритъ Антоній, ректоръ псковской семинаріи, и изъ устъ его излился слово отъ сердца—слово Христова мира.

Какъ бы отъ лица умершаго архіерея, почтенный ректоръ Антоній кротко и любвеобильно увѣщевалъ всѣхъ помнить завѣты Христа Бога, и поминать въ молитвахъ смиреннаго

святителя, съ неизмѣнною любовію къ паствѣ своей уже представшаго къ престолу единаго добраго Пастыря. Прочитавъ разрѣшительную молитву, и отдавъ послѣднее цѣлованіе, священники подняли гробъ святителя. Тогда началось пѣніе ирмосовъ великаго канона покаянія «Помощникъ и покровитель»; ими напоминалось о великомъ покаяніи, которымъ каждый изъ христіанъ долженъ готовиться къ вѣчному покою. Съ такимъ умилительнымъ пѣніемъ понесли священники гробъ архипастыря полнымъ ходомъ, вокругъ церкви. Три раза они останавливались для чтенія литіи надъ усопшимъ, потомъ внесли гробъ въ усыпальницу, находящуюся подъ соборною церковію, гдѣ погребаются всѣ архіереи.

Мы вступили въ темный подземный коррндоръ, освѣщенный, между гротами по сторонамъ, свѣтильниками. Въ концѣ отдѣленіе, куда входятъ чрезъ двери: тамъ есть одно окно; туда въ самый конецъ внесли гробъ и съ молитвою поставили на приготовленное мѣсто, сложенное изъ кирпича, имѣющее съ одной стороны кирпичную же стѣнку. Къ этой стѣнкѣ поставили гробъ, и, заключивъ погребальныя молитвы, вышли всѣ, духовенство и народъ, оставивъ каменщиковъ вывести сводъ поверхъ гроба, который и остался заключеннымъ въ маломъ кирпичномъ склепѣ. Онъ помѣстился четвертымъ на правой сторонѣ, въ ряду другихъ трехъ склеповъ, принадлежащихъ усопшимъ преосвященнымъ, которыхъ имена неизвѣстны, кромѣ одного, впереди стоящаго склепа преосвященнаго епископа Симона Тударскаго. Это былъ одинъ изъ отличныхъ филологовъ и орієнталистовъ въ прошедшемъ вѣкѣ, и потомъ удостоился чести быть наставникомъ Петра III. Склепъ епископа Симона, украшенный парчевымъ покровомъ, оглашается усердными молитвами, панихидами. * Тутъ, впереди склепа преосвященнаго Наѳанаила, возлѣ склепа архіепископа Симона, находится столъ, на которомъ предъ иконою возжигаются свѣчи во-время панихидъ. Подземные своды погребальной пещеры и столъ невольно переселяютъ мысль въ первые вѣка христіанства, когда вѣрные укрывались молиться въ подземныя пещеры, и на гробахъ мучениковъ совершали таинственную трапезу.

* Архіепископъ Симонъ Тодорскій былъ основателемъ священной филологіи въ Россіи. По окончаніи наукъ въ Кіевѣ (въ 1727 г.), пишетъ авторъ «Исторіи Русской Церкви», Симонъ имѣлъ охоту и твердость провести десять лѣтъ за-границею, и всего болѣе въ Галле. Онъ слушалъ тамъ съ большою ревностію экзегетику, догматику, особенно-же изучалъ языки греческій,

Исполненныіі умиленія, я возвратился въ свою квартиру, молясь въ сердцѣ за усопшаго архипастыря, да упокоитъ его Господь въ нѣдрахъ Авраамовыхъ—по вѣрѣ его, и дастъ ему часть незлобивыхъ за благость души его.

Не стану описывать Псковъ, потому-что не имѣлъ времени осмотрѣть его подробно, спѣша въ Никандрову-пустынь, посѣтить знакомаго мнѣ игумена, и помолиться у мощей преподобнаго Никандра. Благовѣщенская Никандрова общежительная пустынь, находится въ Порховскомъ уѣздѣ, въ 15 верстахъ отъ Пскова, къ востоку. Я пріѣхалъ въ монастырское сельцо Любовецъ, въ 7 верстахъ отъ монастыря. Тутъ жилъ, по несовершенному еще исцѣленію отъ болѣзни своеіі, моіі знакомый отецъ-игуменъ, въ домикѣ, который окруженъ садомъ. Не вдалекѣ небольшая деревянная церковь кладбищенская; въ ея оградѣ погребаютъ умершихъ изъ братіи монастырской. Игуменъ Платонъ, четыре года тому, былъ настоятелемъ этого монастыря; но тяжко заболѣлъ. Въ крайне болѣзненномъ состояніи, по совѣту знающихъ людей, отправился онъ въ Дерптъ. Здѣсь имъ занимался профессоръ Вальтеръ два мѣсяца; а потомъ профессоръ Карусъ почти четыре года. Постоянное, терпѣливое, леченіе почтеннаго профессора Каруса, и столь же постоянное терпѣніе и христіанское благодушіе больнаго, съ помощію Божіею достигли своей цѣли: тяжкая едва излечимая болѣзнь

еврейскій, халдейскій, сирскій и арабскій, столь нужные для уразумѣнія В. Завѣта. Отличный галльскій профессоръ восточныхъ языковъ, Михаэлисъ, былъ руководителемъ Симона, и Михаэлисъ отозвался въ дипломѣ Симона съ самой отличной стороны объ его успѣхахъ въ восточныхъ языкахъ. Нѣмецкій языкъ былъ для Симона почти какъ родной, когда, въ 1738 году возвратился онъ въ Кіевъ. Здѣсь онъ открылъ классъ филологіи еврейской, греческой и нѣмецкоіі, до него неизвѣстной въ Кіевѣ; а въ 1742 г. онъ вызванъ былъ въ наставники Петру III. по Православному ученію вѣры. Хотя такимъ образомъ поприще его, какъ наставника филологіи, продолжалось недолго, но онъ успѣлъ оставить достойныхъ учениковъ (изъ нихъ Варлаамъ Лящевскій и помощникъ его, Слонимскій были главными сотрудниками при послѣднемъ исправленіи славянской Библіи, въ 1751 г.), и не прекращалъ занятій своихъ по восточнымъ языкамъ въ Петербургѣ. Здѣсь онъ писалъ разныя изслѣдованія по восточной филологіи (изслѣдованія его, доселѣ неизданныя, остаются остаются рукописными въ библіотекѣ Императорской Академіи Наукъ). Бывъ членомъ Синода и (1743 г.) архіепископомъ псковскимъ, онъ возбудилъ въ другихъ ревность къ св. филологіи, и эта ревность довольно жива была и послѣ его кончины, въ 1754 г., во Псковѣ. (Истор. Р. И. Еп. Р. Филарета V).

медленно, почти незамѣтно исчезала, и наконецъ прекратилась, оставивъ только слабость въ ногѣ, такъ-что безъ костылей выздоровѣвшій еще не можетъ ходить. Безъ сомнѣнія, въ-продолженіи года, нога укрѣпится совершенно. *

Такъ, Дерптъ составляетъ общую врачебницу сосѣднимъ губерніямъ, и всякаго званія люди принимаются здѣшними докторами съ христіанскою готовностію; нѣкоторые изъ духовнаго званія, по бѣдности своей, были вспомоществуемы тѣмъ-же докторомъ, у котораго лечились. Благодаря благотворной дѣятельности христіански образованныхъ врачей здѣшнихъ, въ Дерптѣ почти постоянно найдете лечащихся; чаще всего дворянскія семейства изъ сосѣднихъ губерній.

Уединенно провелъ я четыре дня въ Любовцѣ. Тутъ хозяйство пустыни: скотный дворъ, вокругъ поля, съ которыхъ убираютъ почти всегда безъ платы, изъ усердія, крестьяне сосѣднихъ деревень, собираясь разомъ человѣкъ по двѣсти. Безъ сомнѣнія, и монастырь, имѣя значительные лѣса, не оставляетъ ихъ безъ помощи, въ случаѣ нужды.

Подъ вечеръ, наканунѣ Преображенія, пріѣхалъ въ монастырское село отецъ-казначей, постоянно наблюдающій тутъ за всѣми работами. Въ этотъ разъ онъ пріѣхалъ за мною. Я тотчасъ собрался; въ легкой одноколкѣ мы отправились въ недальній путь. Все семиверстное разстояніе надобно ѣхать лѣсомъ, принадлежащемъ монастырю. Этотъ лѣсъ весь выросъ на болотѣ; вправо и влѣво, кромѣ нѣсколькихъ мѣстъ, обработанныхъ для хлѣбопашества, уже недавно виднѣются топи и даже озерки меж-

* Игуменъ Платонъ, малороссіянинъ, изъ духовнаго званія. Десяти лѣтъ, онъ былъ приведенъ отцомъ своимъ, овдовѣвшимъ священникомъ, въ кіевской Михайловской монастырь, откуда, по смерти отца, по собственному желанію, отправился, 16-ти лѣтъ отъ-роду, въ Никандрову-пустынь. Здѣсь вскорѣ онъ былъ постриженъ, и въ-продолженіе 20-ти лѣтъ достигъ игуменства и пастолтельства въ своемъ монастырѣ, всегда бывъ на отличномъ счету у начальниковъ за трудолюбивую и благочестивую монастырскую жизнь свою. Покойный архіепископъ Наѳанаилъ бралъ его съ собою въ Петербургъ, когда былъ вызванъ на чреду въ Синодъ. Послѣ Платонъ былъ назначенъ игуменомъ и настоятелемъ Никандровой-пустыни. Постигнувшая его болѣзнь прервала его служеніе Церкви, но за то, можетъ-быть, способствовала къ укрѣпленію его духа, ибо пять страдальческихъ лѣтъ провелъ онъ въ чтеніи, размышленіи, богомоліи, удаленный отъ всѣхъ дѣлъ и суеты человѣческой. Природный обширный умъ образовалъ онъ важнымъ и полезнымъ чтеніемъ, а характеръ — безропотнымъ терпѣніемъ ниспосланныхъ ему страданій.

ду ельникомъ. За двѣ версты отъ монастыря еще поселокъ монастырскій. Отсюда начинаются еще болѣе топкія мѣста, такъ-что необходимо было намостить все это двухверстное пространство кругляками, чтобы сдѣлать возможнымъ проѣздъ. Вотъ закраснѣлись главы священныхъ церквей—и скоро показался и весь монастырь, со всѣхъ сторонъ въ лѣсу. Мы проѣхали мимо новой гостинницы, каменной, одноэтажной; обогнувъ уголъ ея налѣво, были на обширномъ преддвоpіи монастырскомъ, посреди котораго, подъ навѣсомъ, стоялъ крестъ съ изображеніемъ распятія. Направо, въ нѣсколько рядовъ шли деревянныя лавки, построенныя для здѣшней годовой ярмарки; прямо, врата подъ колокольню; чрезъ нее, входъ, по настланному полу, въ соборную церковь, которая возвышается среди двора монастырскаго, огражденнаго вокругъ каменными двухъ-этажными зданіями, а ихъ соединяетъ между собою бѣлая каменная ограда съ башнями. Въ этихъ зданіяхъ помѣщаются кельи для братіи и для почетныхъ гостей, а также въ восточной башнѣ и церковь во имя Св. Троицы.

Я воспользовался гостепріимствомъ отца-казначея, имѣющаго свои кельи въ настоятельскомъ домѣ, стоящемъ въ оградѣ, налѣво отъ въѣздныхъ воротъ. Немедленно пошелъ я въ соборную церковь, гдѣ уже началась всенощная. Входъ безъ крыльца: такъ мало возвышена она надъ землею. Чрезъ церковныя сѣни между ликами святыхъ, изображенными на стѣнахъ и дверяхъ, входишь въ самую церковь, необширную, но украшенную великолѣпными образами. Съ благоговѣйнымъ чувствомъ вѣры облобызалъ я изображеніе преподобнаго Никандра на серебряной его ракѣ. Она стоитъ направо отъ входа, подъ аркою стѣны, раздѣляющей главный престолъ церкви отъ придѣла преподобнаго Никандра. Налѣво устроена, подъ такою же аркою въ стѣнѣ, другая рака: на ней лежитъ плащаница. За послѣднею стѣною, лѣвый придѣлъ во имя св. Апостоловъ Петра и Павла. Немного лѣвѣе отъ раки преподобнаго, стоитъ большаго размѣра храмовая икона Благовѣщенія Богородицы, великолѣпно и щедро украшенная разноцвѣтными драгоцѣнными каменьями. Большіе серебряные подсвѣчники стоятъ одинъ предъ иконою, другой предъ ракою. На правомъ клиросѣ пѣлъ главный, но немногочисленный хоръ пѣвчихъ, составленный, изъ поелушниковъ и монаховъ, неусыпною заботою, въ непродолжительное еще время настоятельства, нынѣшнимъ начальникомъ монастыря, архимандритомъ Веніаминомъ. Онъ самъ необыкно-

венный пѣвецъ, и глубокій знатокъ музыки, постигающій ее всею силою своей чувствительной и кроткой души. Народу было очень много въ церкви; важное великолѣпіе служенія, при хорошемъ пѣніи и въ канунъ такого великаго праздника, заставляютъ совершенно позабыть все земное, а помнить только, что сладко молиться живому Богу и среди незнакомыхъ, какъ-бы среди близкихъ родныхъ своихъ; ибо есть родство вѣры и молитвы, которымъ уничтожается всякое принужденіе между чужими. Послѣ всенощнаго бдѣнія, я видѣлся съ архимандритомъ, уже прежде мнѣ знакомымъ. Онъ былъ самымъ близкимъ человѣкомъ умершему преосвященному Наѳанаилу, и жилъ постоянно съ нимъ, завѣдывая его пѣвческимъ хоромъ. Въ усопшемъ архимандритъ Веніаминъ потерялъ друга и благодѣтеля, на старости лѣтъ, вдали отъ родины своей, Малороссіи, откуда преосвященный Наѳанаилъ взялъ его съ собою въ протодіаконскомъ санѣ, когда переведенъ былъ изъ полтавской епархіи въ псковскую. Благодѣтельно было для епархіи такое уединеніе архипастыря и подчиненныхъ ему, совѣтника и друга его — обоихъ кроткихъ и смиренныхъ сердцемъ. Первый, казалось, заботился только о томъ, чтобы великодушною благодѣтельностію обратить, если можно, и злаго на путь добра, а второй, чтобы поддержать такое христіанское расположеніе души своимъ содѣйствіемъ.

Я расположился, обласканный архимандритомъ, на десять дней въ монастырѣ, съ намѣреніемъ говѣть до дня Успенія. Всѣ сіи десять дней поста посѣщая церковныя службы, я проводилъ остальное за тѣмъ время въ уединеніи и, иногда, въ бесѣдѣ съ кроткимъ и просвѣщеннымъ настоятелемъ; обѣдалъ за общею трапезою, которую архимандритъ постоянно раздѣляетъ съ братіею. Во все время трапезы производилось чтеніе житія святыхъ. Душа, занятая еще недавно оконченною молитвою, (трапеза начиналась тотчасъ послѣ литургіи) была поддерживаема въ молитвенномъ расположеніи напоминаніемъ подвиговъ первыхъ исповѣдниковъ Христа, и, въ одно время съ удовлетвореніемъ тѣлеснаго голода, удовлетворялась духовная алчба слова Божія. Такимъ-то образомъ должно бы все освящаться въ жизни каждаго христіанина, ибо таковы уставы Православной Церкви. Видя святость цѣли и основанія монастырей, мы необходимо должны признать, что основатели ихъ были водимы Духомъ Святымъ, силою Коего и поддерживались въ сверхъестественныхъ подвигахъ отшельнической жизни. Водитель-

ство Святаго Духа привело и преподобнаго Никандра въ пустыню, нынѣшній благоустроенный монастырь его.

Преподобный родился 1507 г., Псковской губерніи въ селѣ Выделебкѣ, въ государствованіе Василія Іоанновича, при архіепископѣ Новгорода и Пскова, Сераніонѣ, и названъ Никономъ. Отецъ и мать Никандра были, вѣроятно, изъ простаго званія (въ жизни преподобнаго не говорится объ этомъ ничего). Старшій ихъ сынъ постригся въ монашество, когда Никонъ еще былъ малолѣтенъ. По смерти отца, семнадцатилѣтній Никонъ, сгарая желаніемъ пустынной жизни, открылъ своей матери намѣреніе свое быть инокомъ. Благочестивая мать согласилась, и она сама предупредила его, раздавъ все имущество нищимъ и постригшись въ монашество. Смиренный юноша, добровольный нищій, пошелъ во Псковъ; оттуда, посѣтивъ псковскіе и близь лежащіе монастыри, поклонился мощамъ преподобныхъ Ефросинія и Саввы, которыхъ житіе наиболѣе воспламенило его къ монашеской жизни. Богъ послалъ юношѣ-подвижнику одного богатаго человѣка, который принялъ юношу къ себѣ, и отдалъ учиться. Узнавъ Божественное слово, сколько Богъ благоизволилъ ему почерпнуть изъ источника Своей премудрости, Никонъ съ умиленіемъ услышалъ въ церкви слово Евангелія: «Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи и Азъ упокою вы; возмите иго Мое на себе». Онъ услышалъ глаголъ Спасителя, не только слухомъ тѣлеснымъ, но и духовнымъ, и созналъ въ душѣ своей, что созрѣло уже искреннее желаніе отречься отъ міра. Нѣкто Ѳеодоръ указалъ Никону пустынное мѣсто въ области Великаго Новгорода, между Псковомъ и Порховомъ, наполненное лѣсами и окруженное мхами и болотами; помогъ тамъ выстроить избу, и святой юноша остался въ ней молиться. Чрезъ нѣсколько времени пришелъ онъ во Псковъ, и по обычаю въ церковь Богоявленія (донынѣ существующую), да помолится о мудрости и твердости души въ предлежащемъ пустынномъ житіи. Здѣсь отъ алтаря исшелъ къ нему гласъ, утверждающій его въ подвигѣ и обѣщающій процвѣтеніе его пустыни въ обитель. Получивъ это желанное обѣтованіе отъ Самого Господа, юноша, объятый радостію, выбѣжалъ изъ церкви, и встрѣтился съ блаженнымъ Николаемъ-юродивымъ (тогда еще нескончавшимъ теченія своего; мощи его нынѣ покоятся въ псковскомъ Троицкомъ соборѣ). Блаженный Николаій, по внушенію Божію, открылъ Никону всю трудность предстоящаго отшельничества отъ духовъ злобы поднебесныхъ, и

отъ злыхъ человѣковъ. Такъ Богъ укрѣпилъ благочестиваго юношу, предваривъ его о тяготи и страхованіяхъ пустыннаго житія, но въ тоже время обѣтовая исполненіе святыхъ надеждъ сверхъестественнаго подвига.

Наконецъ, возвратясь въ свою пустыню, и пребывая въ ней съ Господомъ, онъ трудился въ молитвѣ и постѣ. Скоро молва человѣческая начала прославлять юнаго подвижника. Тогда, убѣгая молвы, съ горькими слезами ушелъ онъ во Псковъ и опять къ Филиппу, который съ сердечнымъ участіемъ принялъ юнаго пустынника. Никонъ возжелалъ постричься, и отведенъ былъ Филиппомъ въ Іоанно-Предтеченскій Крыпецкій монастырь, гдѣ уже прославлены были мощи основателя его, преподобнаго Саввы. Игуменъ сей обители, видя юность и крайнее изнеможеніе тѣлесное Никона, нехотѣлъ постригать юношу, да не возложится на него слишкомъ тяжкое бремя монашескаго послушанія и иноческихъ трудовъ. Но юноша уже возмужалъ духомъ: вслухъ призывая въ помощь себѣ преподобнаго Савву, настоятельно онъ убѣждалъ игумена исполнить его пламенное желаніе, былъ постриженъ и нареченъ Никандромъ.

Подвижнически проводилъ онъ тутъ жизнь свою, такъ-что игуменъ и братія прославляли Бога, давшаго такую благодать юношѣ. Въ сіе время, преподобный Никандръ имѣлъ утѣшеніе видѣть, что заботившіеся о немъ Филиппъ и Осодоръ постриглись въ томъ-же монастырѣ. Но, опять избѣгая прославленія человѣческаго, смиренный подвижникъ возвратился въ свою пустыню, какъ въ обѣтованную ему Самимъ Господомъ землю, и жилъ въ ней уже непеходно 15 лѣтъ. Однажды, напали на мирное жилище отшельника разбойники, заграбили книги и иконы, избили самого Никандра и ушли. Но три дня блуждали они по лѣсу; двое ожесточенныхъ утопули въ рѣкѣ, а другіе двое, умилявшись, раскаялись, и возвратились въ хижину Никандра, неся съ собою все заграбленное; онъ простилъ ихъ и убѣждалъ жить по-христіански. И въ третій разъ скрываясь отъ славы людской, когда слухъ о его дивной жизни привлекъ къ нему посѣтителей, ушелъ онъ изъ своей пустыни въ тотъ-же монастырь преподобнаго Саввы Крыпецкаго, гдѣ, какъ и прежде, въ изнурительныхъ подвигахъ проводилъ свое иноческое служеніе, въ должностяхъ сперва уставщика (эклезіарха), а потомъ казначея. (келаря) Вскорѣ удалился онъ изъ монастыря на ближній островокъ, срубилъ тамъ хижину, пожилъ въ ней три съ половиною года, подвизаясь въ новыхъ благодат-

ныхъ трудахъ. Не суждено было однакоже быть оставленною прежней его пустыни, о которой онъ имѣлъ извѣщеніе отъ Господа: игуменъ съ братіею снова вызвали преподобнаго труженика въ знакомую ему пустынь между Псковомъ и Порховомъ. Пятнадцать лѣтъ, до конца жизни, провелъ онъ тамъ, прославившись въ окрестныхъ областяхъ прозорливостію, пророчествами и исцѣленіями. За восемь лѣтъ предъ кончиною, постриженъ въ схиму отъ игумена сосѣдняго монастыря Демьянскаго. Къ преподобному приходилъ изъ Порхова діаконъ Петръ; ему открылъ Никандръ время преставленія своего, въ тотъ день когда польской король, Стефанъ Баторій, осаждая Псковъ, безпрестанно будетъ кидать бомбы и ядра на городъ, и просилъ погребсти тѣло на томъ мѣстѣ, гдѣ найдетъ; крестьянину же, прежде діакона посѣщавшему его, открылъ, что Господь прославитъ мѣсто сіе, что тутъ воздвигнется церковь Благовѣщенія и возникнетъ обитель монашествующихъ.

Волею Божіею преподобный Никандръ преставился въ день предсказанный имъ, 24 сентября 1582 г., 76-ти лѣтъ отъ рожденія. Въ то самое время, крестьянинъ Иванъ Долгій, изъ селенія Боровичи, случайно былъ въ сей лѣсной пустыни. Посѣтивъ святаго старца, онъ обрѣлъ его уже отшедшимъ къ Господу, и погребъ тѣло Никандра подъ дубомъ, гдѣ нынѣ церковь Благовѣщенія Богородицы. Съ плачемъ и жалостію услышали въ Порховѣ о смерти святаго отшельника, болѣзную, что вся страна наполнена непріятельскими войсками, и нѣтъ возможности пройти въ пустыню для совершенія должнаго погребенія надъ усопшимъ. Но діаконъ Петръ уговорилъ жителей идти, съ твердымъ упованіемъ на милосердаго Бога, Который по молитвамъ преподобнаго защититъ ихъ отъ враговъ. Убѣжденные Петромъ, игумены, священники, монахи и много народа благополучно пришли на мѣсто дивныхъ пустынныхъ подвиговъ преподобнаго, и съ благоговѣніемъ отпѣли надъ нимъ погребеніе.

Зерно *умершее въ землѣ*, по слову Спасителя (Іоан. XII, 24) приноситъ *многій плодъ*, т. е. человѣкъ ради вѣры въ Него умершій міру, распявшій тѣло свое со страстьми и похотьми, спасаетъ душу свою и приноситъ многій плодъ. Такъ блаженный Никандръ, искренно посвятившій жизнь свою Богу, примѣромъ и ученіемъ своимъ и чудесами утвердилъ вѣру въ Іисуса Христа, въ добрыхъ душахъ знавшихъ его—а знала его близкая и дальняя окрестность. Дѣйствуя такъ при жизни, праведный мужъ, непересталъ дѣйствовать такъ-же благотворно и по

временной смертп своей; но, какъ посѣянное зерно и умершее, принесъ *сторичный* плодъ: ангельская жизнь Никандра проявилась чудесами въ нетлѣнныхъ мощахъ его, и въ жизни послѣдователей его, которые, создавъ тутъ обитель, соединенными силами продолжали высокую святую жизнь угодника Божія. Симъ образомъ даже на землѣ еще воскресаютъ, какъ бы предварительнымъ воскресеніемъ, умершіе, вѣрующіе въ Іисуса Христа, Который есть наше воскресеніе и жизнь (Іоан. XI, 15). И немного времени нужно было, да начнется земное воскресеніе вѣрнаго и благаго раба Господня. Уже чрезъ три года по кончинѣ его пришелъ въ пустыню одинъ мірянинъ и, поселившись въ кельи при гробѣ его, въ сосѣднемъ Демьянскомъ монастырѣ принялъ монашество съ именемъ Исаіи. Къ нему собралась вскорѣ небольшая братія; по просьбѣ ея, онъ принялъ санъ священноинока, отъ архіепископа новгородскаго Александра, къ епархіи котораго тогда принадлежалъ Порховъ съ уѣздомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ посвященный и во игумена устроившейся обители, Исаія получилъ благословеніе создать въ ней храмъ во имя Благовѣщенія Богородицы, надъ гробомъ преподобнаго Никандра. Такъ положено начало монастырю, и незамѣтно существовалъ онъ до половины XVII столѣтія, когда, по благословенію Никона, митрополита новгородскаго, впослѣдствіи патріарха всероссійскаго, дворянинъ Іоаннъ Матвѣевичъ Муравьевъ, далъ обѣтъ и выстроилъ на свои счетъ церковь во имя преподобнаго Никандра, и кромѣ того другими устроены были еще церкви во имя Св. Троицы и преподобнаго Александра Свирскаго, о которомъ говоритъ вѣрное изустное и письменное преданіе, что *являлся* часто святому Никандру для молитвеннаго собесѣдованія.

Въ 1665 году, Поляки, сдѣлавъ набѣгъ въ Псковской и Новгородской областяхъ, не пощадили и обители; разграбили и разорили ее, многихъ монаховъ умертвили, а игумена отвели въ плѣнъ, гдѣ онъ пробылъ около года. За однимъ несчастіемъ послѣдовало другое: въ 1673 г. сгорѣли всѣ четыре церкви и всѣ монастырскія зданія. Для возобновленія разоренной и сгорѣвшей обители, игуменъ просилъ помощи у Царя Алексѣя Михайловича, который и пожаловалъ многія пустоши изъ оброку. * Благочестивые люди также способствовали возобновленію обители. Мало-по-малу построены каменныя церкви, снабженныя иконами, книгами и всѣми потребностями; кромѣ-того особая колокольня и

* Т. е. съ тѣмъ, чтобы оброкъ съ нихъ платился монастырю.

деревянныя кельи. Мощи преподобнаго Никандра закладены были тогда въ южную стѣну соборной церкви Благовѣщенія. Обитель возобновилась; недоставало только, чтобы Церковь признала мощи преподобнаго, православившіяся уже многими чудесами. По просьбѣ игумена съ братіею, чрезъ новгородскаго митрополита Корнилія, патріархъ Іоакимъ повелѣлъ тамбовскому епископу Леонтію освидѣтельствовать мощи, и произвесть изслѣдованіе о чудесахъ, отъ нихъ бывшихъ. Вмѣстѣ съ другими духовными особами, епископъ Леонтій, 29 іюня 1687 г. открылъ мощи; найдя ихъ нетлѣнными, омылъ теплою водою съ виномъ и елеемъ, переложилъ въ новую раку, и съ молитвами заложилъ опять на прежнемъ мѣстѣ, въ южной стѣнѣ соборной церкви. Потомъ описано было житіе и чудотворенія преподобнаго, о которыхъ произведено было изслѣдованіе; сочинена новому угоднику служба, и все вмѣстѣ препровождено на разсмотрѣніе патріарху Іоакиму. Въ домовой своей церкви Петра и Павла, со всѣми бывшими тогда въ Москвѣ архіереями и архимандритами, патріархъ выслушалъ донесеніе, утвердилъ открытіе мощей и повелѣлъ праздновать память преподобнаго Никандра, обще съ храмовымъ праздествомъ, 25 марта, и день преставленія 24 сентября. Впослѣдствіи установилось еще празднество, 29 іюня, въ день открытія мощей преподобнаго отца.

Святая обитель устроилась окончательно. Усердіе къ ней возрастало. Дни открытія мощей Никандра, 29 іюня, и его преставленія, 24 сентября, *стали посѣщаться* многочисленными богомольцами.

Такъ, въ-продолженіе слишкомъ ста лѣтъ святая обитель болѣе и болѣе пріобрѣтала средствъ для своего существованія, а съ вступленіемъ въ настоятельство игумена Геннадія, 1794 г., началось ея быстрое возвышеніе. Поступивъ въ монастырь изъ купцовъ, по постриженіи онъ сдѣланъ былъ казначеемъ, потомъ и настоятелемъ. Чрезъ свѣтлѣйшаго князя Лопухина, проживавшаго иногда въ своемъ псковскомъ помѣстьѣ, Геннадій, неусыпно заботившійся о своей обители, имѣлъ счастіе быть представленнымъ Императору Павлу. Съ перваго свиданія, благочестивый Государь навсегда сохранилъ благоволеніе къ Геннадію и любовь къ Никандровой пустыни; царскія благодѣянія полились на нее. Примѣръ Государя дѣйствовалъ на вельможъ. Никандрова-пустынь быстро обогащалась и украшалась. Настоятель выстроилъ тогда обширное зданіе каменныхъ келій

для братіи и почетныхъ гостей. Графъ Николай Петровичъ Шереметевъ пожертвовалъ 35 тысячъ, на которыя сдѣлана рака преподобному, устроена храмовая икона Благовѣщенія, подъ серебрянымъ окладомъ, и два большихъ серебряныхъ подсвѣчника. Икона чрезвычайно щедро украшена дорогими камнями и стразами. При Геннадіи же пожертвованы на многія иконы въ соборѣ серебряные оклады, также много сосудовъ и другой утвари церковной. Въ 1800 г. онъ былъ произведенъ въ архимандриты, и испросилъ чрезъ Синодъ позволеніе умножить братію до 30-ти (до того же пустынь была заштатною съ 6 монашествующими). Государю Императору Павлу Петровичу благоугодно было пожертвовать въ монастырь полное архіерейское облаченіе изъ драгоцѣнной парчи съ крестами Мальтійскаго ордена.

Послѣ Геннадія не поступило почти никакихъ значительныхъ вкладовъ, ибо большая часть того, что видимъ драгоцѣннаго въ монастырѣ—оклады на образахъ, многое число церковныхъ сосудовъ и чрезвычайно богатая ризница—все это было собрано попеченіемъ архимандрита Геннадія. Памятникомъ великолѣпія, которымъ онъ хотѣлъ украсить монастырь, остался планъ соборной церкви, которая должна была стоить постройкою триста тысячъ рублей! Преемникъ Геннадія, архимандритъ Самуилъ, пристроилъ къ главной церкви Благовѣщенія: справа, придѣлъ во имя преподобнаго Никандра, а слѣва—первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Въ такомъ видѣ соборъ остается и донынѣ. Я имѣлъ время осмотрѣть монастырскія библіотеку и аптеку, основанныя также Геннадіемъ. Онѣ помѣщаются въ упраздненной церкви въ колокольнѣ, и не въ ученомъ порядкѣ. Книгъ и рукописей особенно замѣчательныхъ нѣтъ; но для духовнаго чтенія братіи выборъ и число книгъ достаточны. Тамъ видѣлъ я, между прочимъ, въ великолѣпномъ переплетѣ, уставъ Мальтійскаго ордена рыцарей Іоанна Іерусалимскаго.

Во-время пребыванія моего въ монастырѣ, пріѣзжали туда многіе помолиться и испросить молитвъ преподобнаго Никандра; нѣкоторыя дворянскія семейства, образованныя и пріѣхавшія изъ столицы въ свои псковскія помѣстья, приходили пѣшкомъ въ обитель. Одна помѣщица прибыла туда по обѣщанію за избавленіе молитвами преподобнаго отъ холеры, которою была больна въ Петербургѣ. Она, въ присутствіи многихъ у отца-архимандрита, объявила, какъ въ предсмертныхъ мукахъ болѣзни обратила вѣрою всѣ мысли своего сердца къ ходатайству чу-

дотворца Никандра, пустыню котораго прежде уже часто посѣщала, и Господь послалъ ей избавленіе молитвами святаго мужа, и вскорѣ она выздоровѣла. Такъ между образованнымъ классомъ цвѣтутъ вѣра и любовь къ Богу и угоднику Его! Простой же народъ еще болѣе показываетъ усердія къ обители.

Утѣшенный сочувствіемъ и соединеніемъ вѣры удалившихся изъ міра съ вѣрующими въ мірѣ, я оставилъ обитель, скорбя однакожь о разлукѣ, ибо въ нѣсколько дней моего пребыванія тамъ я полюбилъ это мѣсто добраго пристанища душамъ, въ которомъ питался пищею Божьяго слова, духовно укрѣпляясь молитвами святаго угодника. Радушіе отца-архимандрита и братіи пребудетъ незабвеннымъ въ душѣ моей! На возвратномъ пути изъ обители, простился я съ отцомъ-игуменомъ Платономъ, пожелавъ ему скорѣйшаго выздоровленія, и поблагодаривъ его за дружеское гостепріимство. 29 августа я пріѣхалъ въ Псковъ, а 31 на пароходѣ достигнулъ Дерпта, и на другой день поспѣшилъ въ университетскую клинику, повидаться съ Николаемъ Васильевичемъ Савельевымъ-Ростиславичемъ, нашимъ извѣстнымъ славянистомъ-этнографомъ; ибо нашему же Дерпту—въ лицѣ профессора Эрдмана—должна достаться пріятная честь, милостію Всемогущаго возвратить нашего ученаго историка его отличнымъ трудамъ, хотя и въ самой болѣзни онъ не оставался въ бездѣйствіи. Любознательность нѣкоторыхъ русскихъ молодыхъ ученыхъ побудила его удовлетворить ихъ желанію, и сообщить, въ нѣсколькихъ бесѣдахъ, выводы изъ его розысканій о славянскомъ мірѣ. Историческія изслѣдованія о славянскихъ древностяхъ были высказаны слушателямъ, уже знакомымъ съ исторіею: да падутъ эти истины, какъ сѣмена, на добрую почву, и произрастятъ плодъ троякій: исторической истины, славянской народности и любви къ отечеству, всегда отличавшей Русскихъ и столько имъ свойственной.

Александръ Солнцевъ.

23 мая 1850 г.

Дерптъ.